

также могли бы сыграть здесь значительную роль. Литературная критика также не должна бы проходить молча эти явления и, при разборе подобных сочинений, нельзя ограничиваться одной иронией, что обыкновенно достается в удел им.

«Родина», 1888, № 24, 12 июня, стлб. 630—634. Подпись: Н. Бунин (в инициале — опечатка).

Егор Иванович *Назаров* (1849 (?) — 1900) — елецкий помещик, участник суриковского кружка поэтов-самоучек, автор двух стихотворных сборников, вышедших под одинаковым названием — «Собрание стихотворений Е. И. Назарова» (М., 1888; Елец, 1889). Статья о нем — первый критический опыт Бунина. Она написана под непосредственным впечатлением его знакомства с Назаровым. Впоследствии, вспоминая о том «страстном интересе вообще к писателям», который владел им в ранней юности, Бунин добавляет: «даже к таким, каким был, например, некто Назаров». И далее рассказывает о своей встрече с ним: «Озерский кабатчик как-то сказал мне, что в Ельце появился „автор“. И я тотчас же поехал в Елец и с восторгом познакомился в базарном трактире с этим Назаровым...» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 259—260).

Это знакомство имело для Бунина важные последствия. В январе 1889 г. издательница «Орловского вестника» Н. А. Семенова предложила ему, через посредство Назарова, место помощника редактора газеты («Материалы», стр. 18; «Жизнь Бунина», стр. 50). В то же время, также благодаря Назарову, Бунин познакомился с И. А. Белоусовым, который впоследствии ввел его в круг будущих участников «Среды». Когда в конце 1888 г. Белоусов, в ту пору один из самых активных деятелей суриковского кружка, послал Назарову свою первую книгу («Из „Кобзаря“ Тараса Шевченко и украинские мотивы». Киев, 1887), Назаров попросил его выслать еще один экземпляр «для начинающего поэта И. А. Бунина» (Иван Белоусов. Литературная Москва. М., 1929, стр. 62). Просьба была выполнена, и 19 января Бунин благодарил Белоусова за полученную через Назарова книгу (ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 1). Это письмо положило начало их знакомству и переписке.

Память о Назарове Бунин сохранил надолго — впоследствии он признавался, что этот поэт-самоучка в какой-то степени послужил ему «прототипом Кузьмы» в повести «Дережня» («Жизнь Бунина», стр. 50).

Статья Бунина посвящена первому сборнику Назарова (все стихи, приведенные в ней, цитируются по этому изданию). Вероятно, из бесед с Назаровым почерпнуты те биографические сведения, которые сообщает Бунин; ныне его статья — почти единственный источник биографии этого участника суриковского кружка (краткие сведения о нем см. также в сб.: «И. З. Суриков и поэты-суриковцы». М.—Л., 1966, стр. 349).

Кроме Бунина, появление книги Назарова отметил также рецензент газеты «День», зло высмеявший писателя-самоучку (К. Г о в о р о в. Лилипуты поэзии.— «День». СПб., 1889, № 462, 20 сентября).

МАЛЕНЬКАЯ БЕСЕДА

Предисловие А. С. Логвинова

Эта полемическая статья молодого Бунина содержит резкую критику реакционных воззрений на развитие русской поэзии после Пушкина. Она позволяет отчетливо представить себе литературные позиции Бунина на рубеже 1880-х—1890-х годов, в пору его наибольшего сближения с радикально-демократическими кругами провинциальной интеллигенции в Харькове, а затем в Орле.

Статья была направлена против петербургского журнала «Север», основанного в 1888 г. Вс. С. Соловьевым. В первые три года существования этого «еженедельного литературно-художественного журнала» его редактором был П. П. Гнедич. С начала 1891 г. редактирование журнала взяла на себя издатель¹. Направление «Севера» от этого не изменилось — во все четыре года (1888—1891) оно было реакционно-националистическим, верноподданническим, в духе идей Победоносцева и Каткова. Но содержание журнала в 1891 г. стало несколько иным — за счет уменьшения количества репродукций шедевров живописи была сделана попытка расширить литературный отдел, в частности, был введен отдел критики и библиографии.

Во осуществление обновленной программы журнала во втором номере за 1891 г. и была напечатана (без подписи) статья о новых сборниках стихотворений Я. П. Полонского («Вечерний звон». СПб., 1890) и А. А. Фета («Вечерние огни», вып. 4. М., 1891) — статья, давшая повод для выступления Бунина. Анонимный автор ее намечал следую-

щую картину развития русской поэзии: ее расцвет в пушкинскую эпоху, когда появилось «много настоящих поэтических талантов», сменился периодом упадка, начало которому положил Некрасов, создавший «рифмованную, рубленую прозу с „гражданскими“ мотивами, с односторонними, часто фальшивыми тенденциями» — его объявили тогда «настоящим, чуть не гениальным поэтом — и стали освистывать всю пушкинскую школу». Следствием этого было «полное охлаждение русского общества к поэзии». Но дальше произошел новый поворот, начавшийся с момента открытия памятника Пушкину. «Русское общество почувствовало, что поэзия не вздор, а великая сила и великое наслаждение». Веря в возрождение русской поэзии, автор радостно приветствует «чудесные звуки еще не умолкнувшей лиры последних из преемников Пушкина» — Полонского и Фета.

Можно думать, что статья эта была написана самим Вс. С. Соловьевым, — во всяком случае, она очень близка по мыслям к напечатанной двумя годами раньше его статье «А. А. Фет» («Север», 1889, № 5, стр. 95; подпись: «Изд-ль»).

Возражая автору статьи в «Севере», Бунин берет под защиту Некрасова и его поэзию, говорит о праве поэта затрагивать «общественные мотивы», обосновывает это право ссылкой на известное положение эстетики реализма — «поэзия везде, где есть жизнь». Характерно, что Бунин решительно отвергает преувеличенно высокую оценку поэзии Фета, но при этом умалчивает о Полонском, которому он был многим обязан в собственном поэтическом развитии.

Некоторые положения «Маленькой беседы» сходны с мыслями, высказанными Буниным в более ранней статье «Недостатки современной поэзии», напечатанной в журнале «Родина», 1888, № 28 (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 487—494). Так, в «Маленькой беседе» читаем: «...романтизм расширил область поэзии до пределов всего возможного и понятного...»; ср. в названной выше статье 1888 г.: «Романтизм значительно расширил пределы поэтического творчества: жизнь сердцем и искреннее проявление нежных чувств составляли главное содержание романтических произведений» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 488).

Другой пример: «...поэт такой же член общества, как и все, и потому не может обращать „нуль внимания“ на его запросы»; ср. в ранней статье: «...поэт должен проникаться всеми радостями и печалью людскими, быть искренним выразителем нужд и потребностей общества, направить ближних к добру и прекрасному» (там же, стр. 489).

Во втором номере иллюстрированного журнала «Север», в отделе библиография, помещена заметка по поводу издания новых сборников стихотворений г.г. Полонского и Фета...

Сам по себе этот факт, конечно, не дает повода беседовать о нем с читателями: заметка и невелика и бездоказательна. Но сила в том, что она представляет вариацию на очень распространяющийся за последнее время мотив.

Вот против этого-то мотива мы и хотим сказать несколько слов. За образец нам послужит заметка «Севера».

Основные мысли ее суть: Пушкин был великим поэтом, и его эпоха была эпохой расцвета поэзии (совершенно верно!); затем поэзия упала: явился Некрасов, внес новый дух, дал новые мотивы, но под конец «со всем исписался, печатал зачастую невообразимый вздор, давал кучу никуда негодной дряни». Разные последователи его понесли ту же участь: так, например, Надсона, которого было стали венчать лаврами, «читают теперь одни жида». К счастью, так продолжалось недолго: общество со знало, что только Фет и его мотивы — истинная поэзия, и потому «нельзя не приветствовать» появления в свет его нового сборника. Вот и все. Нескладно, а здорово...

На первую мысль, разумеется, сказать нечего: автор заметки взял ее из прописей. Против второй, выраженной, кстати сказать, уж очень грубо, многое можно возразить...

Во-первых, неужели неизвестно г. библиографу «Севера», что «поэзия везде, где есть жизнь»?..²

Во-вторых, не помнит ли он, что сам Пушкин завещал поэту «глаголом жечь сердца людей»?..

В-третьих, мы еще посмотрим, насколько не исписался г. Фет и следует ли его «приветствовать»...

Против первого положения было, конечно, простительно восставить г. Сумарокову; но простительно ли это человеку, наверно слыхавшему, что романтизм расширил область поэзии до пределов всего возможного и понятного, что поэт такой же член общества, как и все, и потому не может обращать «нуль внимания» на его задачи, что, наконец, поэзия с течением времени расширяется, развивается и видоизменяется?! А ведь говорить, что Некрасовы и их мотивы «дрянь», болезненные уклонения поэзии с истинного пути, говорить, что надо приветствовать только Фета как истинного представителя поэзии,— ведь это, по меньшей мере, странно, если не больше...

Некрасов — представитель нового духа поэзии, поэт, затронувший общественные мотивы; затронул он их, может быть, и неверно, но как же говорить, что совсем-то не следует затрагивать таких мотивов? Какое же это будет «развитие», какое же это движение «колеса», с которым автор заметки сравнивает общественную жизнь? И можно ли «жечь сердца людей» фетовскими стихотворениями? Мы вовсе не отрицаем их значения, но разве уж только в них в одних значение?.. Интересно было бы знать, что скажет автор заметки на эти вопросы.

Что же касается того, следует ли «приветствовать» г. Фета за его последние стихотворения, покажем сейчас на примере. Все последние стихотворения его печатались в наших периодических журналах, и мы уже приводили их как образец поразительной «оригинальности»³.

Вот, например, какие строки находим мы в стихотворении, помещенном в «Ниве» за прошлый год:

Только что спрячется солнце,
Неба затеплив красу,
Тихо к тебе под оконце
Песню свою понесу.

.....
Как бы за легким вниманьем
В вольное сердце дотоль,
Вслед за его состраданьем,
Та же не вкралася боль... (?)⁴

Или тоже в «Ниве», уже раз приведенное нами:

Сновиденье,
Пробужденье!
Тает мгла...

.....
Без усилий.

С плеском крылий
Залетать,—
В мир стремлений,
Преклонений
И молитв!..

Радость чужа!
Не хочу я
Ваших битв...⁵

Но интересней всего начинается стихотворение г. Фета в «Царь-Колоколе»:

За вздохом утренним мороза
 Румянец уст приотворя (!),
 Как сладко улыбулась роза
 В день мимолетный сентября...⁶

Сумеете вы, г. библиограф «Севера», объяснить нам его и доказать, что приведенные стихотворения не в пример «лучше» * некрасовских и надсоновских?

Может быть, они и подходят в какой-нибудь журнальчик для отдела «Афоризмов и шарад», но «приветствовать» их как образцы настоящей истинной поэзии... Как вы думаете? — можно?

«Орловский вестник», 1891, № 27, 27 января, без подписи. Авторство Бунина доказывается карандашной пометой: *Бун.* в редакционной подшивке газеты (Гос. архив Орловской обл., № 203-а). Под рубрикой «Маленькая беседа» в газете постоянно печатались заметки о современной литературе.

В сокращенном виде текст «Маленькой беседы» был процитирован в статье: Г о л ь д и н, стр. 18—19.

¹ Со второго полугодия 1891 г. издателем «Севера» стал Е. А. Евдокимов. Вс. С. Соловьев оставался редактором до начала октября того же года, затем редактором стал Вл. А. Тихонов, при котором журнал приобрел характер либерального издания.

² Бунин опирается здесь на одно из основных положений эстетики реализма. Выдвинутое Белинским и развитое после него Добролюбовым и Чернышевским, оно всегда служило оружием в борьбе передовой критики против антиреалистических и антидемократических воззрений на литературу.

³ О каком выступлении «Орловского вестника» против стихов Фета идет речь, установить не удалось.

⁴ «Нива», 1890, № 20, стр. 513 (см. А. А. Ф е т. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959, стр. 316—317).

⁵ «Quasi una fantasia». — «Нива», 1890, № 13, стр. 342 (А. А. Ф е т. Полн. собр. стихотворений, стр. 317). Приведено в «Орловском вестнике», 1890, № 76, 10 апреля, в отделе «Из наших поэтов».

⁶ «Сентябрьская роза». — «Царь-Колокол», 1891, № 4, стр. 57 (А. А. Ф е т. Полн. собр. стихотворений, стр. 152).

ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Предисловие А. С. Логвинова

С поэзией Шевченко Бунин познакомился еще в юные годы. В. Н. Бунина, рассказывая о его приезде в феврале 1889 г. к брату Юлию в Харьков, где он прожил около двух месяцев, сообщает, что Иван Алексеевич «по утрам проводил несколько часов в библиотеке, где стал знакомиться и с литературой по украиноведению, читал и перечитывал Шевченко, от которого пришел в восхищение...» («Жизнь Бунина», стр. 55). Общение с демократической украинской интеллигенцией в Харькове несомненно усилило интерес Бунина к Шевченко, но и до приезда на Украину он уже достаточно хорошо был знаком с творчеством великого Кобзаря. Об этом убедительно свидетельствует его переписка с И. А. Белоусовым.

В январе 1889 г. Белоусов прислал Бунину свою книгу «Из „Кобзаря“ Т. Г. Шевченко и украинские мотивы» (Киев, 1887). Отвечая ему, Бунин писал, что книга на него «произвела хорошее впечатление, во-первых, своим легким и отделанным стихом и, во-вторых, тем, что в ней есть несколько переводов (весьма верных и вообще хоро-

* В газетном тексте очевидная опечатка — «хуже».